

Оставим в покое Цинь Яо и Чжан Цзымана — Чэн Минь и его спутник были вполне уверены в порядочности последнего. В худшем случае тот воспользуется моментом, чтобы коснуться лица или придержать за руку, но до того, как Цинь Яо окажется окончательно «съеденным», явно оставалось ещё немало времени.

Ночь сгустилась. Огни в деревне почти погасли. Небо снаружи казалось выкрашенным густыми чернилами: ни россыпи звезд, ни бледного диска луны. Из далекого леса доносились птичьи крики — трудно было понять, что это за существа, но их голоса, хриплые и резкие, вплетались в завывания ночного ветра, вызывая безотчетную тревогу.

Чэн Минь лежал спиной к Юй Фансюю, не желая с ним разговаривать, но сон никак не шел. Три года назад в такие минуты они, наверное, еще шептали бы друг другу нежности, а теперь... теперь им оставалось лишь делить комнату, расположившись на разных краях.

«С чего это я вообще о нем беспокоюсь!» — сердито выругался про себя Чэн Минь. Ему страстно хотелось дать самому себе пару пощечин. Он натянул одеяло на голову, уткнулся лицом в подушку и зажмурился.

Почему так жарко?..

Одеяло кажется таким тяжелым...

Птицы орут слишком громко...

Пить хочется, просто жуть...

Да что ж такое...

Раздражение нарастало.

В конце концов Чэн Минь откинул одеяло и скатился с кровати. Юй Фансюй, видимо, спал мертвым сном — он даже не шелохнулся. Глядя на него, заставлявшего трепетать сердца бесчисленных девушек, Чэн Минь скривился: «Уродство какое».

Немного подумав, он решил выйти в коридор — проветриться. Полуночный ветер должен был унять внутренний жар.

С тихим щелчком дверь приоткрылась. В длинном коридоре зловеще подрагивали огоньки масляных ламп, заправленных маслом из человеческих жил и цветами берега. Чэн Миня обдало холодом, но не тем, что приносит облегчение, а леденящим, пробирающим до костей. Кожа мгновенно покрылась мурашками.

У лестничного пролета на перилах тоже стояла лампа — чуть больше остальных, и пламя её горело ярче. Присмотревшись, Чэн Минь заметил, что в огне проскакивают зеленые искры. Впрочем, стоило моргнуть, как оно казалось уже синеватым. Слабый, едва уловимый запах заполнил пространство, щекоча ноздри.

Па-пу... Па-пу...

Внезапно с лестницы донеслись странные звуки. Будто огромную губку, насквозь пропитанную водой, с силой швыряли на пол. Хлюпающие, тяжелые удары то ускорялись, то замедлялись.

Чэн Минь напрягся, впиваясь взглядом в лестничный пролет. На стене возникла черная тень. Под порывами ветра пламя лампы металось, и тень то разрасталась до чудовищных размеров, то сжималась. Он отчетливо видел: передняя часть тени напоминала человеческие руки, которые, цепляясь за ступени, медленно тащили нечто наверх.

Странное хлюпанье становилось всё громче, пока Чэн Минь наконец не разглядел, что за тварь ползет к нему...

Это был Лю Хо — тот самый, что сегодня днем погиб в реке Ваншуй.

Лю Хо смотрел на Чэн Миня не привычными свирепыми глазами, а жуткими глазными яблоками, похожими на рыбы пузыри. Мутно-белые, они неестественно выпирали из глазниц. Кисти рук монстра были обглоданы до костей — острые фаланги вонзались в дерево лестницы, подтягивая остальное тело.

Труп раздулся от воды, но кожа была не мертвенно-бледной, а кроваво-красной. Обычно у утопленников синюшные пятна появляются лишь в местах застоя крови, и на это нужно время, а Лю Хо погиб только днем.

Узнать его удалось лишь по татуировке на спине. Из-за вздутия плоти рисунок разорвало на части, отчего он выглядел ещё более зловещим.

Чудовище разинуло пасть в сторону Чэн Миня и, бешено перебирая костлявыми пальцами по полу, бросилось в атаку.

— Мать твою! — похолодев от ужаса, выдохнул Чэн Минь.

Он инстинктивно нырнул обратно в комнату, захлопнул дверь и навалился на неё всем телом. Он лихорадочно соображал, как противостоять этой твари.

Внезапно чья-то рука коснулась его спины.

Чэн Минь едва не вскрикнул, но ему тут же зажали рот. Знакомый запах окутал его, и над ухом раздался голос Юй Фансюя:

— Не бойся, это я.

— Тише, — Юй Фансюй прижал вторую ладонь к двери, накрыв пальцы Чэн Миня. От его кожи исходило живое тепло. Чэн Минь обернулся и гневно посмотрел на него: «Нашел время лапать!»

Юй Фансюй убрал руку от его рта и приложил палец к губам, призывая к молчанию, а затем сделал успокаивающий жест ладонью. Это был их старый знак — «Доверься мне».

Чэн Минь кивнул и указал пальцем на дверь: «Там покойник! Как я могу успокоиться?»

Юй Фансюй едва заметно улыбнулся. Он одной рукой приобнял Чэн Миня и прошептал прямо в ухо:

— Верь мне.

Чэн Минь сделал несколько глубоких вдохов и действительно начал приходить в себя. Он даже не обратил внимания, куда сместилась рука Фансюя, обдумывая, можно ли перебраться из окна четвертого этажа на третий. Будь они на задании, со снаряжением они бы покинули это место в два счета, но в Осколке они были обычными людьми. Лазерный длинный хлыст за поясом не работал и лишь прибавлял вес.

— Не думай об этом, — Юй Фансюй говорил с полной уверенностью. — С нами всё будет в порядке.

— Ты имеешь в виду... — в голове Чэн Миня промелькнула догадка, — лампы?

Силуэт перед ним кивнул. Получив подсказку, Чэн Минь сразу вспомнил, что лампа у лестницы была намного больше остальных. Неужели её поставили специально, чтобы приманить водяного призрака, а маленькие огни в коридоре служат лишь указателями пути?

— Понял, наконец...

Юй Фансюй не успел договорить — Чэн Минь сам зажал ему рот. Хлюпанье раздавалось уже прямо за дверью, сопровождаемое какими-то утробными звуками, похожими на позывы к рвоте. Его сердце снова ушло в пятки. Он даже не заметил, как Юй Фансюй отреагировал на его прикосновение.

Звук снаружи замер. Существо явно что-то искало. Чэн Минь прекрасно понимал: оно пришло

за ним. Глянув вниз, он увидел, что полоска света из-под двери перекрыта тенью — тварь стояла вплотную.

Водяной призрак издал жуткий хрип. Раздался резкий скрежет — покойник царапал голыми костями половые доски.

Минуты через три-четыре, издав напоследок полный ярости и разочарования вопль, тварь начала удаляться. Только тогда Чэн Минь окончательно расслабился. Его одежда насквозь пропиталась потом — частично от страха, частично от того, как жарко его сжимал в объятиях Юй Фансюй.

Он уже хотел было оттолкнуть его, как вдруг почувствовал на ладони что-то влажное и теплое. Будто кто-то слизывал пот с его кожи.

Чэн Минь отскочил как ошпаренный и принялся вытирать руку об одежду. Но, осознав, что делает, он развернулся и начал яростно вытирать ладонь о самого Юй Фансюя.

— Это что, слюни?! Опять твои замашки!

Юй Фансюй лишь весело осклабился и развел руки: мол, валяй, вытирай сколько влезет.

«Ну и сволочь же ты...» — Чэн Минь стиснул зубы и сердито отдернул руку. Но остаточное тепло и это странное ощущение щекотки не желали покидать его разум — словно в руках побывал крошечный котенок, который внезапно перевернулся на спинку, задев самые тонкие струны души.

Юй Фансюй сделал шаг вперед, намереваясь снова приобнять его, но в этот миг тишину вечной ночи разорвал истошный, леденящий душу вопль.

Самым страшным было то, что крик оборвался мгновенно. Следом в уши вгрызся хруст ломающихся человеческих костей. Птичий щебет вдали давно стих, и лишь завывание ветра служило аккомпанементом этой безжалостной расправе.

Никто не открыл дверь. Ни одна душа.

Чэн Минь сам, неосознанно, прижался к груди Юй Фансюя. Впрочем, он сохранил последний рубеж «обороны», упершись ладонями в его плечи и оставив между ними небольшую дистанцию. Юй Фансюй посмотрел на его бледное, мокрое от пота лицо и нежно смахнул капли со лба.

— Не бойся... Всё хорошо.

***

Берег реки Ваншуй.

Чэн Минь и Юй Фансуй стояли плечом к плечу. Река была такой же чистой, она безучастно несла свои воды вдаль, словно ей не было дела ни до дождей, ни до снегов, ни до кровавых перемен на этом берегу.

— Лю Хо уже убил одного. Думаешь, он вернется ночью?

Не дождавшись ответа, Чэн Минь с недоумением позвал:

— Эй.

Он обернулся. Юй Фансуй с застывшим от ужаса лицом смотрел на воду. Чэн Минь проследил за его взглядом: у самого берега на поверхности воды вскипали огромные кроваво-красные пузыри.

Черная тень прорезала гладь: бледные рыбы глаза, вздутая багровая плоть, острые кости, торчащие наружу... Это был Лю Хо.

Рука, способная гнуть стальные прутья, мертвой хваткой вцепилась в лодыжку Юй Фансюя. Раздался всплеск — и тот мгновенно скрылся под водой. Ледяные брызги ударили в лицо. Чэн Минь в ужасе широко раскрыл глаза...

— Юй Фансуй!

Облупившаяся стена, скудная обстановка, серое одеяло...

Чэн Минь потер пульсирующие виски. Всего лишь сон.

Снаружи донесся знакомый, приятный голос:

— Сяо Минь, что случилось?

Юй Фансуй быстро подошел к кровати и приложил ладонь ко лбу Чэн Миня. Температура была в норме.

— Ни... ничего, — Чэн Минь оттолкнул его руку, а затем сердито уставился на него, напуская на себя грозный вид, чтобы скрыть дрожь. — Ты что, решил бросить меня водяному призраку на съедение, а сам смыться?!

«Тему переводит...» — Юй Фансюй втайне обрадовался. Раз Чэн Миню приснился кошмар, значит, подсознательно тот всё ещё беспокоится о нём.

Юй Фансюй едва заметно улыбнулся. Чэн Минь, почувствовав, как лицо обдаёт жаром, отвесил ему легкую затрепину:

— Что ты лыбишься? Говори давай!

Юй Фансюй потер плечо и указал на окно:

— Да уже рассвело. Какие ещё призраки?

Чэн Минь осекся.

— Я... пойду умоюсь!

Глядя на позорное бегство Чэн Миня, Юй Фансюй почувствовал такую сладость на сердце, что, казалось, мог бы больше никогда в жизни не есть сахара.

В коридоре Цинь Яо, привалившись к плечу Чжан Цзымана, лениво скрестил руки на груди и правоучительно покачал головой:

— Эх, молодежь... Чуть что — сразу в краску.

Чжан Цзыман взглянул на него сверху вниз:

— Ты так уверен, что он смутился?

— Ещё бы! — Цинь Яо самодовольно вздернул подбородок. — Я, между прочим, эксперт в делах сердечных!

Закончив сеанс самолюбования, он покровительственно похлопал Чжан Цзымана по плечу:

— Хотя, конечно, учитель у меня был что надо!

Чжан Цзыман тихо хмыкнул, явно довольный похвалой.

— Что там происходит? — спросил вышедший из комнаты Юй Фансюй.

В конце коридора толпились люди. Староста деревни, сжимая в руках две палки, обмотанные разноцветными лоскутами, что-то бормотал и отвешивал поклоны перед курильницей. В ней торчали три палочки благовоний: большая часть уже сгорела, но длинные столбики пепла не осыпались, застыв в причудливой и жуткой форме.

А перед курильницей лежало тело. Кожа была содрана, кости раздроблены. Внутренности, вырванные наружу, были разбросаны повсюду. Под трупом растеклась огромная лужа черно-красной крови — она уже успела запечься, намертво пропитав деревянный пол. Картина была невыносимо тошнотворной.

<http://bllate.org/book/17517/1657136>